

Геннадий
САЗОНОВ
г. Вологда

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ

О творчестве Ирины Дегтяревой

1

Нередко, окидывая мысленным взором быстротекущее бытие, ощущаешь в глубине сердечной мерцание утраты, потери. Только что держал в руках огромное, настоящее, и вот просочилось оно сквозь пальцы, будто сухой песок, оставив пустоту. Я имею в виду, конечно, чувство Родины!

Вспоминаю признание великого полководца А.В. Суворова: «Природа произвела Россию только одну, она соперников не имеет!» Да, так мог сказать лишь ее бесстрашный защитник, томимый истинной к ней привязанностью. Война как неизбежное состояние, вызванное защитой рубежей и интересов Отечества, и любовь к нему – осмелюсь предпочесть, «два полюса» мироощущения Александра Васильевича.

Персоны, более высокие по общественному положению, тоже испытывали что-то похожее. В частности, императрица Екатерина II однажды призналась: «Россия не страна, Россия – Вселенная!» Так же невольной приходит на память известное высказывание царя Александра III об избранности России, о том, что у нее в мире практически нет друзей, а ее извечные союзники – армия и флот. Вот откуда, возможно, чувство утраты – сколько потеряли мы за последние три десятилетия из прежних достижений, в том числе и в военном деле. Более того, некоторые нынешние публицисты не устают утверждать, будто и армия у нас уже... утрачена. И все же не будем спешить с «окончательными выводами».

К такой неторопливости есть серьезный повод – творчество московской писательницы Ирины Дегтяревой. Она нам как бы возвращает утраченную потерю. Читая ее повести, рассказы, очерки, публицистику, в основном о современной армии, понимаешь: панихиду по русскому солдату заказывать рано! Он жив: служит, воюет в «горячих точках», рискует собой, спасая товарищей, проявляет бесстрашие и милосердие...

А вернувшись домой с боевых позиций, пытается наладить мирный быт.

Переворачивая последнюю страницу повести «Приключения Лелькина», поймал себя на мысли: жалко расставаться с главным героем. Вроде бы ничем особым он и не привлекал – такой-сякой-разэтакий, в чем-то неумеха, иногда простоват и резковат, порой смешон и будто нелеп, а вот, поди ж ты, при-

кипает к нему, этому самому Лелькину, будто он родней родного. В чем «секрет»? В том, что у героя – русский характер, с его прямодушием, упованием на «авось», желанием без оглядки «броситься в пекло», откликнуться на беду, осознанием сделанных ошибок «задним числом».

А мы сами-то, ну-ка посмотрим на себя внимательно, разве не похожи в собственном бытии на Лелькина? Скорее всего, мы похожи, даже очень, хотя признаться в том не всегда хватает духу.

Иногда, попадая с Лелькиным в очередное приключение, думаешь, что автор, видимо, служил вместе с героем в каком-то полку или, на худой конец, лично знаком с ним давным-давно. Увы, тут нас ждет «некое разочарование», как с героиней «Гусарской баллады». «Наверное, тот, кто читает военную прозу Ирины Дегтяревой, где героизм и подлость находятся в одном окопе, где людей на войне, не называемой таковой, судят по законам мирного времени, а повествование ведется от мужского лица, как правило, офицера спецназа, представляя ее героя таким современным гусаром, в потертом камуфляже и берете, с дымящейся сигаретой и нарочитой мужской «бравадой», – отметил Василий Дандыкин (журнал «Воин России», №2, 2010). – Невольно и образ автора представляется читателю соответствующим. Тем более что таковые барышни в литературном и журналистском цеху имеют место быть... Ира Дегтярева, смею вас уверить, полная противоположность образу суровой воительницы: не пьет, не курит, не выражается и выглядит как тургеневская барышня: коса до пояса, щеки алые, смущенная улыбка, искристые глаза. И притом именно она, несмотря на молодые годы, является одним из лучших современных военных писателей страны...»

Все же это «разочарование», на мой взгляд, приятное: военная тема – ведущая в творчестве Ирины Владимировны, поэтому представляет интерес, как она пришла к ней.

Ирина родилась в Бразилии, в поселке Собрадиньо штата Баия, где ее родители были в командировке. Отец Ирины дипломат, знает шесть иностранных языков, в том числе и португальский. Когда они вернулись на родину, в Москву, Ирина, окончив школу, поступила в Литературный институт. Здесь занималась в семинаре детской литературы у писателей Сергея Иванова и Романа Сефа, а затем у Александра Торопцева. Так уж получилось, что она много лет выписывала и читала журнал внутренних войск «На боевом посту».

– У меня вызывало удивление, что первую чеченскую войну и телевидение, и пресса так чудо-

вишно освещали, – рассказывала писательница, – нападали на военных. На страницах журнала я видела другую войну, где солдаты и офицеры вопреки всему выполняли свой воинский долг и становились героями, зачастую ценой собственной жизни. Мои ровесники воевали! Разве я могла пройти мимо этой темы? Мне вообще было странно, что мои однокурсники пишут о чем угодно, кроме насущного и главного – о наркоманах, бандитах, но не о том, что происходит в стране.

Свой первый военный рассказ «Два билета до Ростова» Дегтярева написала в 1998 году, и тогда же его напечатал журнал «На боевом посту» (№8). Это была и первая публикация Ирины. Причастность к судьбам ровесников, которые воевали в Чечне и в других местах Северного Кавказа, желание понять их поступки, сердца и души, сложный внутренний мир, а затем эти «открытия героев» донести до всех, живущих в России, «погрузили» молодую писательницу надолго в военную тему. И вполне естественно, что творческий путь привел ее в журнал «Воин России», имеющий давние и прочные литературные традиции. Здесь, начиная с 2001 года, увидели свет ее повести и рассказы, без преувеличения, их можно отнести к удачным публикациям журнала. С осени 2007 года она работает в редакции. Но Ирину Дегтяреву охотно печатали и другие издания.

И дело, разумеется, не только и не столько в военной теме как таковой. В центре писательского внимания Дегтяревой – личность нашего современника, независимо от того, какую он занимает должность – рядового, майора или полковника... Поэтому я и спросил Ирину Владимировну, существует ли для нее разница между «гражданской» и «военной» прозой или эти определения условные?

– Я считаю, что есть проза качественная и некачественная. И не важно, какую она тему раскрывает, – поделилась Дегтярева. – Что касается военной темы вообще, то я одно время даже занималась исследованием (незаконченная диссертация): сравнивала писателей-ветеранов и тех, кто не воевал, но писал о Великой Отечественной войне. Интересное сравнение, и выводы получились неоднозначные. Не всегда те, кто участвовал в войне, могли написать что-то талантливое и вразумительное. Впрочем, очень немногим, кто не воевал и брался за эту тему, она давалась. А на войне те же люди, те же общечеловеческие проблемы – подлость, глупость, смелость, счастье и т.д. Только обстановка экстремальная и все чувства зашкаливают; они обострены, а потому наиболее интересны для человека пишущего и читающего...

2

Наивно полагать, будто к «экстриму» и «зашкаленным чувствам» писательница проявляет обычное людское любопытство ради «новых ощущений». Отнюдь нет! Словно вспышка молнии, они озаряют потаенные, сокровенные глубины ее героев и помогают лучше понять их. Это в полной мере нашло отражение в книге Ирины Дегтяревой «Крест войны» (М., «Военное издательство», 2010), куда вошли повести и рассказы, опубликованные не только в «Воине России», но и в ряде других журналов и альманахах. Невольно вспоминаешь эпопею Льва Николаевича Толстого «Война и мир», название ее уже обозначало две художественные доминанты великого писателя. Если попытаться с подобной меркой определить доминанты новой книги Дегтяревой, то это будут – война и любовь. Они вместе, они переплетаются, «перетекают» из одного в другое, проверяют своими «состояниями» друг друга, чем и создают собственный художественный мир писательницы.

Светлый, пронзительный рассказ «Ежик» написан, кажется, на одном дыхании. Его герой – «разведчик Женька», околавываясь в отпуске в казарме («Съездить домой к матери до командировки уже не успевал»), по-мальчишески влюбляется в «прекрасную незнакомку». «Неделю назад он увидел ее впервые у хореографического училища и пошел следом. Она помахивала плетеной соломенной сумочкой, перепрыгивала через лужи на последождевом темном асфальте, тугой пучок волос на затылке растрепал ветерок, и вокруг ее головы тонкой паутинкой парили русые волосы. Широкая блузка еще больше подчеркивала ее хрупкость. На тонкой нежной шее цепочкой бугорков тянулись позвонки. Женька боролся с жарким желанием подкрасться сзади и провести пальцем по этим бугоркам. В слежке за ней ему не пришлось использовать свои навыки разведчика – маскироваться и скрытно передвигаться. Она не обернулась ни разу и по сторонам вовсе не смотрела. Женька даже крикнул с досады: «Вот ведь неосторожная. А если бы я не следил?»

Он так и не решился с ней познакомиться по-настоящему, но читатель верит в искреннюю любовь паренька и его «мужские мечты»: «А жениться надо на интеллигентной, вот хоть и на балерине. Это сейчас я прапор, а окончу училище – и привет – уже офицер. Она еще будет гордиться мной. А на медной табличке напишем: «Генерал-лейтенант Ежиков». Скорее всего, Женька сумел бы найти подход к «своей балерине», но позвала война, очередная командировка в «горячую точку», и он, под

загрузку экипированный десантник, уже сидел в самолете. «Приплыли! И на тебе – сразу банда, – ворчал Женька, снаряжая очередной магазин. – Сменили бы неделей позже, ан нет!»

Вместе с дружкой Валеркой, по прозвищу Ботаник, Женька практически с ходу вступил в бой с бандой, выполняя задание командира. Автор мастерски рисует картину боя, нет необходимости приводить ее, но не удержусь от соблазна напомнить эпизод, когда друзья бросаются на выручку раненого товарища, бойца Синички: «Они рванули по раскисшей дороге. Земля выскальзывала из-под ног. Так во сне – бежишь от чего-то страшного и вот она, заветная дверь, за которой безопасность. На двери засовы, замки, защелки – только бы добежать. Но перед самой дверью кто-то хватает тебя... Проснешься с колотящимся сердцем, стучащим тугими молоточками в ушах. Не успеешь узнать, что там за...

Валерка не подумал, а ощутил, что проснуться не удастся и что за – это смерть...»

В ночном бою Женька погиб. Валерка разыскал балерину и сказал ей об этом. «Саша повернулась к окну и прижала ладони к подоконнику, где сидел Женька. Рукам стало тепло».

Собственно, и весь сюжет, без особых «изысков» и «накруток», столь модных у некоторых нынешних писателей. Однако он западает в память. Горько сознавать, что Ежик никогда не станет генерал-лейтенантом, что война по большому счету «забирает» самых лучших... Но «дыхание любви» остается даже и после смерти, потому что «рукам стало тепло». Любовь как нравственная и духовная ценность, по мнению автора, выше смерти, а значит – и войны.

«Лицо» войны в полной мере предстает в рассказе «Снайпер» с событиями в «черном дыму от взорванных под Грозным «самоваров». Приметы у войны разные. «Через дорогу бывшая заводская территория. Здания в темноте кажутся нелепыми, как будто их строил сумасшедший. Это от бомбежек. Это война их перестроила». Война «перестроила» не только здания, но еще более – самих людей, их души, причем порой до неузнаваемости. «Одна молодая чеченка помогала нам с уборкой в ПВД и иногда с готовкой. Мужа ее убили еще в первую кампанию. А сынишка, двенадцатилетний Резван, серьезный паренек, помогал матери и вечно околавывался около меня и моей винтовки. Сначала я его гнал. Но однажды Резван все-таки улучил момент. Подкрался, когда я спал, и начал исследовать СВД (снайперская винтовка Драгунова). Проснулся я от щелчка. Резван попытался ее разобрать. Сгоряча я налетел на него и всы-

пал, чтобы не повадно было. Он не заревел. Гордый. Страшного ничего не произошло. Вскоре мы помирились. Я угостил его конфетами. Резван ломаться не стал, сунул конфеты в карман, шмыгнул смуглым носом и потянул винтовку к себе. Красовался с ней, конечно, под моим присмотром...»

Чеченского мальчишку герой рассказа посвящал в «военные секреты», вместе с ним «искал» снайпера, который ранил Николая, а на рассвете «убил нашего лейтенанта. Одним выстрелом. В левый глаз». Применяя разные «хитрости», Николай все же сумел выследить «кукушку с той стороны» и точным выстрелом обезвредил. И пошел посмотреть, каков же он? «Кепка от выстрела отлетела в другой угол комнаты. Винтовка, старая, с обшарпанным прикладом, лежала рядом с Резваном. Это был он. Хоть выстрелом я снес ему полголовы, я его узнал. Мальчишка так и был в моей тельняшке, рядом валялись конфетные фантики, а вокруг них кружилось несколько мух...»

Настолько война «перестроила» сознание подростка, что тот утром общался с «русскими дядями», а ночью выслеживал и убивал их из потаенного укрытия. Такой «диапазон»! Да, это «жуткая перестройка»! Она поразила даже выдавшего виды профессионального снайпера Николая. Наверное, поэтому, донеся мертвое тело на руках до части, он сказал товарищам, что Резван «на расстрелке подорвался...».

Один из наиболее удачных рассказов Ирины Дегтяревой «Молись за нас...» воссоздает, так сказать, «технологию» ликвидации банды боевиков подразделениями спецназа российской армии. Здесь автор еще раз, через эпизоды боя, показала лучшие качества солдат и офицеров – смелость, взаимовыручку, веру в победу добра над злом. Участник боя Пашка был тяжело ранен, едва выжил. Позже, встретившись с боевым товарищем, он ему рассказывал: «Вчера приезжала сестра с мужем. Он у нее городской мальчик. Не служил. Сидит за столом и говорит: «Как же это в Чечне война? Отчего это там люди гибнут? Разве там стреляют?» А я вдруг стал смеяться. Не знаю, что со мной, остановиться не мог. Потом мать меня по щеке ударила. Сестра быстро увела своего. Я слышал, как она шептала в коридоре матери, что я совсем спятил, меня, мол, надо отдать в психушку. Витя! Они ничего не знают. Не хотят знать! – у Пашки из глаз текли слезы, путаясь в мягкой русой бороде. Он не замечал их...»

«Они не хотят ничего знать» – довольно точная формула автора, передающая отношение многих и многих людей в обществе, в том числе и высокопоставленных чинов, к войне на Северном Кавка-

зе, к ее причинам, жертвам, последствиям; к ее героям и предателям. Ради горькой правды, собственно, и ведет диалог с читателем Ирина Дегтярева.

Символично название ее центральной повести «Крест войны». Крест – это и знак, увенчивающий последнее пристанище, крест – это и Божья Воля, оберегающая в повседневности и в экстремальных условиях войны. В повести наиболее полно отражены мировоззренческие позиции ее героев.

«– Убивать легко, Путник?

– Жизнь хрупкая. И наша тоже. Или мы, или нас. Качели скрипят. Что перевесит?

– Мы ожесточили душу?

– А разве нам оставили выбор? – Путник спрашивает, но сам давно знает все ответы.

– Выбор всегда есть.

– Но он не всегда нас устраивает. Так тоже бывает. А свой выбор мы сделали давно. И не изменили его даже тогда, когда поняли, что убивать легко...»

Эта «легкость», помимо воли главного персонажа повести, переносится и в его личный мир: «Милену вызвали на опознание. Она не узнала брата в изломанном черепе и обломках костей. Вышла из здания лаборатории и упала, истекая кровью. Ребенка, которого ждала от Путника, она потеряла...»

Так переплетаются война и любовь, чувства возвышенные и повседневный армейский быт. Да, война не вечна, она когда-нибудь кончится. Но вот закончится ли для тех, кто «вкусил» ее? Ведь остается память! «Неправда, что человек помнит лишь хорошее, – рассуждал тот же Путник. – Мы помним все, и только помня, остаемся людьми. Враги, настоящие, опасные, надевают овечью шкуру, и все вокруг твердят, что они всегда питались травой и никогда не рвали на куски наших ребят. Они и теперь готовы стрелять нам в спины, а нас убеждают, что они кроткие овечки. Но память не убьешь. И мы не сможем ее погасить в себе. Музыка, фильм, взгляд, жест – это все напоминание. Мгновение – и ты уже на дне, на раскаленном песке в кругу тех, кого давно нет, там, где нас давно нет. С растрескавшимися от жажды губами, с кислинкой пороха на языке, с болью в затылке и в сжатых окаменевших кулаках... Но война есть война, как ее не переименовывай. наших людей чужие солдаты не пожалеют. Где были правозащитники, когда нашим бойцам головы резали?» «Ни один из них, – это уже говорил товарищ Путника, – не попросил прощения ни у нас, ни у матерей».

К сожалению, это так!

Следуя за героями через испытания, автор хо-

чет понять психологические проблемы, волнующие их, в частности, то, как они понимают войну. «Официальное разрешение убивать – вот что такое война, – определял Путник. – Пустой город, дома с брошенными вещами. Мародерство – не всегда от жадности и наживы... А крест войны тащат на себе все: и те, кто остались людьми, и те, кто возомнили себя богами. Первые – осознанно, вторые воспринимают тяготы как путь к вседозволенности... Война ведет к разрушению. К разрушению не только городов, разорению не только земель. Самое страшное – к разрушению и разложению души. Крест тяжелый, руки изодраны в кровь, щепы вонзаются в ладони, ключица раздавлена чудовищной тяжестью. Хрустят кости, но люди идут, взбираются в гору, падают и снова поднимаются...»

Признание Путника выглядит суровым приговором. В чем-то он, конечно, прав. А в чем-то – и нет. Ведь сам Путник, несмотря на жестокость войны, сберег душу от разложения, не превратился в «голового циника», способен любить.

Думаю, совсем не случайно в повести возник мотив «любопытства» к Богу. «Но почему Бог часто несправедлив по отношению к нам?», «Тогда зачем Бог, если Он не помогает?»

В условиях, когда человек оказывается на грани между жизнью и смертью, мысленное обращение к Богу выглядит вполне естественным. Главный герой повести Путник отвечал на вопросы сослуживца-друга скорее прибауткой, чем серьезно: «А разве Бог – палочка-выручалочка? Во что бы превратилась жизнь людей, если бы все их пожелания исполнялись? Счастье бы это было?»

Если в повести намечено пунктиром то, какое место занимает «Благодать Господня» в сердце современного воина, то в рассказе «Радуги не стало» ее значение раскрыто довольно полно через поездку Миши Тука в монастырь. Того самого Тука, который во время бомбежки «кричал во все горло хрипло, жутко: «Господи! Спаси и сохрани, помилуй мя, Господи!»

При всем разнообразии персонажей и ситуаций автор осталась верной себе: стержень повести – любовь, личные отношения Сергея Путника и Милены. И когда он погиб, она сохраняла в душе прежние чувства: «Миленка стояла напротив, прислонившись к оградке. На ее левой руке было обручальное кольцо Путника. Женой не была, а вот вдовой стала...»

Творческая манера Ирины Дегтяревой своеобразная. Она ведет рассказ или повествование от «лица героя», что дает некоторые преимущества перед читателем, но и таит «подводные камни». Откровенность, исповедальность, достоверность, внутренние монологи и диалоги персонажей – все это вызывает доверие к прозе Дегтяревой, желание прочитать понравившиеся места еще раз. Она умеет двумя-тремя штрихами запечатлеть характер. Так получилось с бабушкой Михаила Тука из рассказа «Радуги не стало». «Как у нее все просто, – думал Тук. – В восемьдесят лет она работает нянечкой в школе, моет там полы. В белом платочке, в легком пальто даже в сильный мороз ее можно встретить по дороге в храм. Она без устали молится. Где бы она ни была: в школе, дома или в магазине – взгляд ее будто всегда направлен на храм и в то же время внутрь себя, в мысли и молитвы. С ней вместе легко и молиться, и поститься. У нее то и другое выходит без показухи...»

Да, сразу узнаешь, что это взято из жизни, а не выдуманно. Она создала целую галерею нынешних военных, показывая их как в боевых условиях, так и в мирной обстановке. И это, вне сомнения, заслуга Ирины Дегтяревой.

Для писателя основной «рабочий инструмент» – слово. Именно по отношению к нему понимаешь, кто перед тобой, когда раскрываешь книгу. К великому сожалению, сегодня многие, именующие себя писателями, небрежно относятся к русскому языку, если не сказать больше. Часто они пользуются так называемым «новоязом», засоренным жаргоном, иностранными заимствованиями и даже нецензурщиной. Это идет от низкой внутренней культуры.

Ирина Дегтярева счастливо избежала такого «соблазна времени», сохранив в себе любовь к русскому языку. Ее слог динамичен, раскован; она часто использует сравнения, метафоры, другие языковые художественные приемы. Думаю, она следует совету Антона Павловича Чехова писать так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно. Поэтому, наверное, ее проза лишена «пустот», «красивостей», излишних «рассуждений».

«Войти» во внутренний мир героя и говорить с читателем от его личного «я» – задача для писателя не простая. Но такой прием позволяет глубже проникнуть в чувства и переживания персонажей, придать им достоверность, что читатель и ощущает в прозе Ирины Дегтяревой. Вместе с тем эта

творческая манера требует, чтобы герои имели «особинку», сохраняли неповторимую индивидуальность в словах, поступках, делах. В большинстве произведений, представленных в книге «Крест войны», автору это вполне удалось.

И все же в повести «Покаяние», где тема любви и войны «сконцентрирована», для отдельных эпизодов характерна некая «вторичность», то есть в чем-то герои «повторяют» предыдущие произведения писательницы. И здесь причинно-следственная связь событий, поступков порой улавливается с трудом, ее заменяет «поток сознания», что в итоге ведет к «раздвоенности» героев, даже такой «цельной натуры», как художник-реставратор Паня (Степанида). Не знаю, хорошо это или плохо (скорее всего, так оно и бывает в реальной жизни!), но в индивидуальном художественном мире Дегтяревой такое вряд ли должно быть. Во всяком случае, так я думаю как читатель! Режут слух и некоторые языковые неточности: «рьяно принялся ее обнимать», «ее глаза напоминали слюду», «стеснение переходит в равнодушие и некоторую бесстыжесть»... (Другие читатели могут и поспорить со мной: ведь «Покаяние» выдержало четыре издания!)

Серьезные нравственные проблемы «пронизывают» повесть «Хрустальный путь», где Ирина Дегтярева, думаю, одной из первых в современной литературе представила героя, для которого война не закончилась и на гражданке. Она пришла на улицы Москвы в образе бывшего полевого командира боевиков Лечи, требующего от капи-

тана Гришина платы за «прошлую услугу». Сюжет острый, злободневный, он вновь и вновь заставляет читателя задуматься об истинном и ложном предательстве, о мужской дружбе, которая не продается и не покупается. И, конечно, о любви. Но с финалом повести, когда уже благополучный и как бы счастливый Гришин выходит из вагона на незнакомой станции, оставив в купе влюбленную Линду, едва ли можно согласиться. Впрочем, повторюсь, это опять же мое мнение.

Хотя сама Ирина Владимировна, как мы уже отметили, не видит особой разницы между «гражданской» и «военной» прозой, думаю, разница все же есть. Военную прозу писать сложнее, в том смысле, что автору приходится пропускать через сердце и душу все те страшные события и эпизоды, которые имели место быть на войне и имеют право жить на страницах книг.

«Залезь взял себе неподъемную!» – говорила героиня одной из поэм известного вологодского поэта Александра Романова.

У Ирины Дегтяревой своя «залезь».

И пусть она ее не оставляет. А благодарный читатель, верю, найдет!

Геннадий Алексеевич САЗОНОВ

родился в 1950 году на станции Пожитово в Тверской области.

Окончил факультет журналистики Ленинградского университета.

*Более 40 лет отработал в печати, в том числе –
сборком «Правды», «Труда», журнала «Сельская новь».*

Автор 5 поэтических сборников и 18 книг прозы и публицистики.

В «Севере» публикуется с 1989 года.

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Живет в Вологде.

